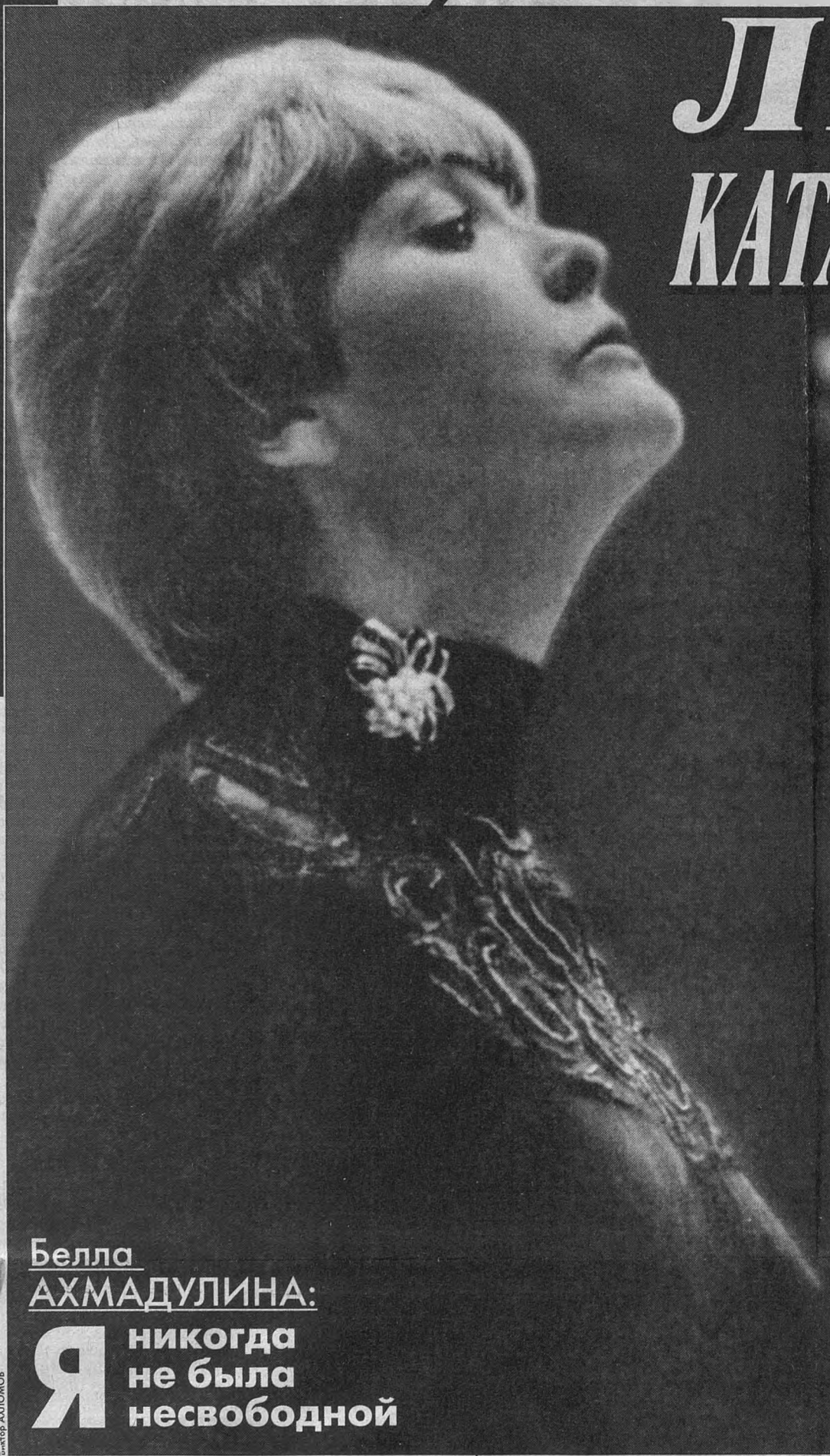

АХ, БЕЛКА, ЛИХАЧ КАТАСТРОФНЫЙ!

Белла
АХМАДУЛИНА:

Я никогда не была несвободной

Виктор АНТОМОВ

ния. Я видела страдания людей и это навсегда осталось во мне: теплушки на Уфу, как солдат везут на фронт — в обратном направлении. Сейчас я думаю, что и тогда понимала, какая гибель предстоит: почти никто из этих мальчиков не вернулся... Я была резвым здоровым ребенком — такие стихи не пишу. Но я писала в основном стихи про негров. Жалею угнетенных негров.

Белла Ахатовна любовно поглаживает лежащего у ее ног роскошного пса — шарпея по имени Гвидон — бесловесного свидетеля нашей беседы.

— Мне нравится, что вы не боитесь собак. Знаете, кто боится? Блатные.

— Блатные? Вообще бывшие лагерники. Матушка Васи Аксенова, Евгения Семеновна Гинзбург, безумно боялась собак, особенно овчарок, — они напоминали ей лагерь. У меня была овчарка, доверчивая и добрая. Она (он) играла маленького Мухтара в фильме «Ко мне, Мухтар!» Я читала закадровый текст на «Мосфильме» к картине Элема Климова «Спорт, спорт, спорт!» и увидела его, он уже никому не был нужен. Я сказала: «Давайте я его куплю». У меня оставалось недостаточно денег для такси, я попросила милиционера, и мы отвезли его ко мне на мотоцикле.

— Знаю, что в молодости вы слыли заядлой автомобилисткой.

— От всего этого остались, увы, только стихи Андрея Андре-

евича Вознесенского «Ах, Белка, лихач катастрофный!..»

Я подарила Рейгану кольцо

— Белла Ахатовна, вы делите людей на «свой круг» и «чужих»?

— У меня никогда не было своего круга, потому что у меня никогда не было тщеславия.

— А как же ваша звездная поэтическая плеяда?

— Если вы имеете в виду Лужники и Политехнический, то я и тогда думала и сейчас полагаю, что Лужники — это для спорта. Я всегда хорошо относилась и отношусь к своим коллегам, но раньше других умела угадать, кто есть кто.

— Вы много писали о своих товарищах-мужчинах. А есть ли у вас подруги?

— Чтобы я сидела с ними на завалянке и болтала вздор — таких нет. Я преклоняюсь перед многими женщинами, а больше всех женщин обожаю Майю Михайловну Плисецкую. Но называть ее подружкой... Галину Васильевну Старовойтову я любила очень, она могла бы быть мне другом. (На прошлом юбилее Б. А. во МХАТе депутат Госдумы Галина Старовойтова сказала, пожалуйста, проникновеннее всех мастеров творческого цеха: «Те, кто работает на сцену сегодняшнего дня, преклоняются перед той, которая работает на вечность». — В. Г.).

— Вы красивейшая женщина, из тех, кто брал в руки перо. Читаете ли вы так называемые женские журналы?

— (Пауза) Почему бы и нет? (Пауза, с восторгом) Вспомнила! У меня есть подруга! Майя, жена моего коллеги Василия Аксенова (собственно, я их и поженила). Хотя, впрочем, и Майя не подруга, а друг.

— Любопытно, а как вы поженитесь Майю и Василия Павловича?

— Майя приехала ко мне в Ялту... там они полюбили друг друга. И Олю Окуджаву мы выдавали за Булат. Когда Булат влюбился в Ольгу, попросил меня ей позвонить: «Я стесняюсь». В свою очередь, Оля нагадала мне замужество. У Булата тогда был дом в Моженке, академическом поселке. Я приехала к ним с маленькой дочерью и собакой. И Оля говорит: «Давай я тебе погадаю». Булат спал наверху и не обращал внимания на бабью дурь, дети и собака тоже спали. Оля растелила салфетку, положила на нее мое кольцо, зажгла свечи. И говорит: «Белла, ты выйдешь замуж за Мессерера» (Борис Мессерер, художник, муж Б. А. — В. Г.). И это никакой не сочельник был, никакая не гадательная ночь. И Булат спускается сверху в одних трусах: «Что у вас тут происходит? Обалдели обе?»

— Про журналы я спросил. А газеты вы читаете?

— Никогда. Поэтому меня и не взяли на «журналистику».

— А вас интересует, к примеру, что за человек наш президент?

— Меня не может это не интересовать, потому что с ним жить моим детям и всем иным. Как-

то, еще до его президентства, звонит телефон (а я спросонок с собакой и котом): «Вам звонят от Владимира Владимировича». Я спрашиваю: «От Маяковского?» Нет. Не можете ли вы участвовать в предвыборной компании господина Путина? Не могу, отвечаю, потому что я не знаю, кто это. Я была очень благосклонна к Борису Николаевичу Ельцину. Хотя никогда в жизни не голосовала, в том числе и за него. Мне доводилось общаться с Рейганом, когда он приезжал к Горбачеву. В американском посольстве меня усадили за стол с ним и Раисой Максимовичей. Он спросил: «Что вы думаете о положении русских эмигрантов в Америке?» (Тогда еще был жив Бродский, он заговорил и о нем). Меня удивила его осведомленность, и я подарила ему кольцо. Мой муж сидел за соседним столом и наблюдал, как я снимаю кольцо весьма настороженно. Мне пришлось объясниться: он знает Бродского!

Я их никогда не боялась

— В вашей лирике немного «гражданских мотивов», но при этом ваше поведение было всегда абсолютно гражданским. Вы не боялись, например, КГБ? Или, может быть, это КГБ боялся вас?

— Я их никогда не боялась, и не потому, что я такой бесстрашный человек. Они сами сделали меня известной. Когда я еще училась в институте, выходили сумасбродные статьи обо мне — «Чайльд Гарольд с Тверского бульвара», «Верхом на розовом коне»...

— Вас «вызывали»?

— Меня никто никогда не смел вызывать. 80-й год был для меня очень тяжелым, я была под запретом (после участия Б. А. в «неподцензурном» альманахе «Метрополь». — В. Г.). Мне не разрешили даже читать стихи на похоронах Владимира Семеновича Высоцкого, только на поминках... Была Екатерина Александровна Мещерская, княжна, великая женщина. Жила на Поварской (которую я никогда не в силах была именовать улицей Воровского), рядом с мастерской Бориса, где и мы тогда жили. Мы были дружны, я куда ни пойду всегда ей что-то принесу... Как-то мне передали: «Белла, у Екатерины Александровны включен телефон». А все в доме полагали (отчасти справедливо), что если что-то случилось с телефоном, то это «Ахмадулину прослушивают». А у меня телефон работал. Звоню: «Дайте мне справочную КГБ». Девушка-телефонистка страшно перепугалась, но номер дала. Набираю: «Это КГБ? У Екатерины Александровны Мещерской отключен телефон. Думают на вас. Если это не вы, то включите, пожалуйста». — «Я вам перезвоню через пять минут, Белла Ахатовна». Через пять минут — звонок: «Телефон у гражданки Мещерской работает».

— Это та самая Екатерина Мещерская, чьи мемуары прошумели когда-то в «Новом мире»?

— Она. Княжне Мещерской в 17-м году было тринадцать лет. У нее на всю жизнь осталась шишка: пьяный матрос ударил ее ногой по голове. Ей было очень трудно, она жила в дворницкой, одна. Она написала воспоминания о своей жизни. Уже была такая маленькая перемена времени, и мы поехали с ней в «Новый мир» — пристраивать рукопись. Называлась «Трудовое крещение». Редактором тогда был Сергей Залыгин, и я знала, что ему сказать. Он мне как-то рассказывал: он жил в Сибири, и когда за-

мог — выбрасывал в окно вагона записку — родным. Об этом же мне поведала мать Майи Михайловны Плисецкой — Рахиль. Ее с маленьким сыном Азаром, братом Майи (отца Майи Михайловны расстреляли в 37-м), отправили в лагерь. Никто не знал, кого куда отправляют... Как я люблю это воспоминание, хотя Рахили Михайловны давно нет! Уголовники милостливо дали ей бумажку и огрызок карандаша, и она бросила записку на каком-то полустанке. Одна женщина испугалась — не подобрала, а другая — не испугалась. И махнула ей рукой (Б. А. переходит на шепот): «Я пере-едам!» И ее знаменитая сестра, Суламифь Мессерер, балерина Большого театра, получила эту записку! И спасла Рахиль и Азара! Их освободили.

— И что Залыгин?

— А Сергей Павлович Залыгин мне рассказывал, что он не подбирал записки заключенных — боялся. Не знаю, как бы я поступила в тридцать седьмом году, я только родилась, не мне его судить... Он мне звонит: «Белла, я хочу напечатать ваши стихи». Я отвечаю: «Не надо мои стихи, напечатать прозу Мещерской!» Сергей Павлович долго сомневался. И тогда я приехала с Екатериной Александровной в «Новый мир», он довольно холодно разговаривал, и я сказала ему только: «Ведь вы не подобрали записку!» Мы уехали с Екатериной Александровной на такси, она говорит: «Я не верю, что это когда-нибудь будет напечатано». Я отвечаю: «Посмотрим». Проходит время. И вдруг под Рождество звонит Сергей Павлович и говорит: «Уже набрано!»

— Свобода, которой жаждало ваше литературное поколение, вас не разочаровала?

— Я никогда не была несвободной. Поступай так, как тебе указано свыше, или никак. Когда в Доме литераторов обсуждали «Раковый корпус» Солженицына, я сказала: «Все ваши слова — вздор! Пусть Бог хранит Александра Солженицына». И он его хранит.

— Вам приходится задумываться, какое время в большей степени «ваше» — нынешнее или, может быть, шестидесятые?

— (Решительно) Девятнадцатый век. Я одна соблюдаю русскую речь.

— Если вас кто-то обидит, какой будет ответная реакция?

— Мне иногда говорят: Белла, вы очень ранимы, обидчивы. Я отвечаю: «А Лермонтов? Это Мартынов обиделся на Лермонтова, Лермонтов не обижался». Я не обидчива. К тому же близкие люди никогда не давали мне повода для обид.

— Если ваш собеседник неумен, вы дадите ему это понять?

— Однажды в Америке, которая нянчит и лелеет афроамериканцев — для преодоления комплекса «другого цвета», мне пришлось разговаривать с одним цветным психоаналитиком. Он рассказывал о своей работе — темпераментно и невнятно. Я сказала: «Мой английский слаб, мне трудно вас понимать». Он ответил с обидой: «Блэк инглиш! (Мой английский — черный)». Мне совершенно безразлично, какого цвета мой собеседник, но тут и я вспыхнула: «Не черный, а глупый!»

— Вы знаете своего читателя, Белла Ахатовна?

— Пожалуй. (Смеется) Однажды я выступала в Екатеринбурге (который тогда многие предпочитали именовать Свердловском). И в афише там по ошибке написали: «Поэт Ахмадулина». Вместо «поэт». Начиная читать, вдруг какой-то мужик из заднего ряда: «Слушай! А когда петь-то будешь?»